

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 152 (3963)

Вторник, 23 декабря 1958 г.

Цена 40 коп.

Вторая сессия Верховного Совета СССР

В столице нашей Родины Москве 22 декабря открылась Вторая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва. По сложившейся традиции в честь этого важного в жизни Советского государства события на Большом Кремлевском дворце взвывает алый флаг социалистической Отчизны.

В 10 часов утра в Большом Кремлевском дворце состоялось первое заседание Совета Национальностей. Председательствовал председатель Совета Национальностей депутат Я. В. Пейве. Одновременно в Кремлевском театре проходило заседание Совета Союза. Председательствовал председатель Совета «Союза депутат П. П. Лобанов.

Совет Национальностей заслушал доклад председателя Мандатной комиссии палаты депутата С. В. Червоненко о результатах проверки полномочий трех новых депутатов Совета Национальностей, избранных вместо выбывших депутатов. Совет Национальностей утвердил доклад Мандатной комиссии и признал полномочия вновь избранных депутатов. На раздельных заседаниях Совета

Союза и Совета Национальностей единодушно утверждена повестка дня сессии и порядок ее работы.

Сессия рассмотрит следующие вопросы: 1. О Государственном бюджете СССР на 1959 год и об исполнении Государственного бюджета за 1957 год.

2. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране.

3. О проектах законов «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», «Об уголовной ответственности за государственные преступления», «Об уголовной ответственности за воинские преступления», «Основы законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик», «Положение о военных трибуналах», «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

4. О внесении изменений и дополнений в статьи 48 и 83 Конституции СССР и утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР.

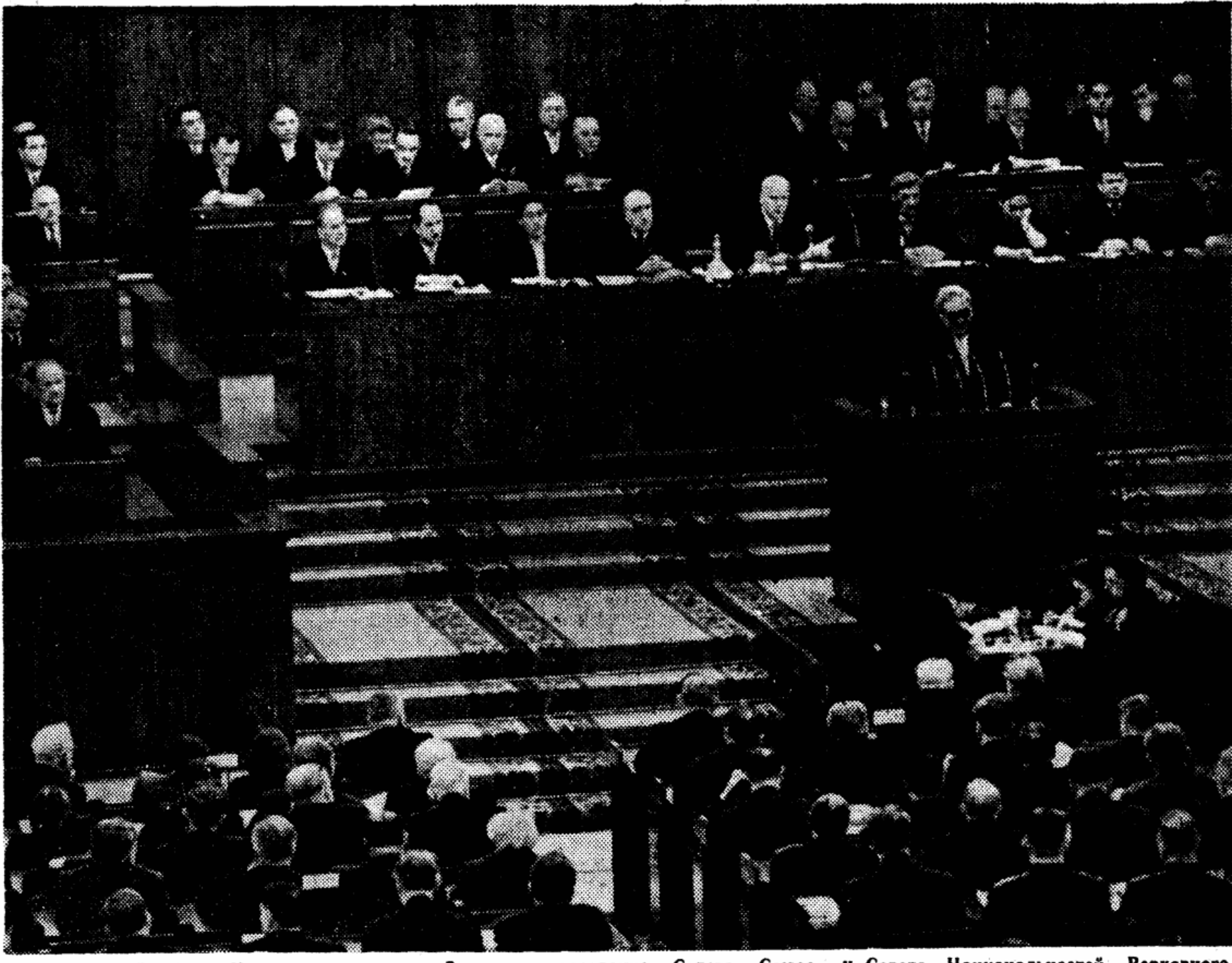
В 11 часов 30 минут в зале заседаний Большого Кремлевского дворца открылось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей. В правительственных докладах появляются встречиные бурными аплодисментами товарищи А. Б. Аристов, Н. И. Беляев, Л. И. Брежнев, К. Е. Ворошилов, Н. Г. Игнатов, А. И. Кирпиченко, Ф. Р. Козлов, О. В. Куусинен, А. И. Микоян, Н. А. Мухитдинов, М. А. Суллов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов, Д. С. Коротченко, Я. Э. Каганерзин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, В. П. Мжаванадзе, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский.

Председательствует председатель Совета Национальностей депутат Я. В. Пейве.

С докладом «О Государственном бюджете СССР на 1959 год и об исполнении Государственного бюджета за 1957 год» выступил министр финансов СССР депутат А. Г. Зверев.

В 15 часов начались раздельные заседания палат, где развернулись прения по докладу.

Сегодня сессия продолжает свою работу.

Вчера в Большом Кремлевском дворце. Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Фото А. ЛЯПИНА

Призыв Исполкома Всемирного Совета Мира к прекращению испытаний ядерного оружия

Женевское совещание о прекращении испытаний ядерного оружия должно до критической фазы. Достигнут значительный прогресс: удалось прийти к согласию в принципе о необходимости прекращения испытаний и о необходимости эффективного соглашения, приемлемого для всех. Однако по истечении двух месяцев работы все еще не преодолены серьезные препятствия. Правительство Соединенных Штатов и Соединенного Королевства по-прежнему придерживаются позиции, согласно которой испытания должны быть прекращены сроком лишь на один год. По-прежнему прекращение испытаний на более длительный срок обуславливается соглашением по другим проблемам разоружения, а такого соглашения до сих пор было невозможно достигнуть. Народы хотят, чтобы испытания бы-

ли прекращены теперь же и навсегда. Они хотят не допустить того, чтобы другие страны начали проводить испытания в других районах, например, Испания, запланированные правительством Франции в Сахаре. Народы никогда не простят никакому правительству, которое своими мероприятиями, направленными на проведение испытаний, воспрепятствует заключению соглашения об окончательном запрете испытаний. Успехи, которых удалось достигнуть по сей день, обеспечены главным образом благодаря давлению мировой общественности, которое ощущалось даже на самом совещании. Совещание должно возобновить свою работу в январе. Лишь неослабные усилия народов могут привести к преодолению препятствий.

Всемирный Совет Мира, который неустанно требует полного запрещения ядерного оружия и ликвидации всех его запасов, обращается с призывом ко всем пацифистским, политическим, религиозным и социальным организациям всего мира с призывом оказывать непосредственный нажим на участников совещания во всех формах, которые они сочтут наиболее подходящими, — направлять делегации, послания, петиции. Соглашение о прекращении экспериментальных взрывов возможно. Оно, несомненно, было бы первым шагом к ликвидации холодной войны и обеспечило бы достижение соглашения о разоружении. Народы должны добиться заключения соглашения о прекращении взрывов.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА

ДЕКАДА КАЗАХСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

Заряд вдохновения

ДВЕ декады казахского искусства и литературы — 1936 года и нынешняя — представляются мне важными этапами в нашей национальной истории, в истории нашей духовной культуры. Первая декада — это было начало, уже тогда мы взяли определенную вершину. Вторая декада — взлет, колоссальный подъем искусства и литературы казахского народа: пик сегодняшних наших достижений вознес нас несравненно более высоко, чем раньше.

Широк и радостен фронт искусства и литературы, который мы развернули в нынешнюю декаду. Он позволяет смело сказать, что наш народ, наша культура переживают свой золотой век. Пролетая вдоль этого фронта, мы видим балет, драму, кино, слышим оперы и симфоническую музыку, аплодируем прекрасным ансамблям, выдающимся мастерам сцены, живописи, прикладного искусства. Многообразна и талантлива наша литература!

Почти каждый день в Москве и близлежащих к столице поселках и городах проходили десятки различных мероприятий — спектакли, концерты, творческие обсуждения и вечера. Надо ли говорить, какую радость доставляло нам не пассивное восприятие зрелища и читателями всего увиденного и услышанного, а активное, требовательное их отношение к спектаклям, книгам, живописи, качеству полиграфических работ и т. д.

Обсуждения и споры возникали всюду — и когда их специально устраивали, чтобы мы узнали мнение людей с большим профессиональным опытом, и когда

Мухтар АУЗОВ

да они рождались стихийно среди «простых» любителей театра и книги. Все эти обсуждения, разговоры, непосредственное общение с людьми, глубоко понимающими и любящими советскую многонациональную культуру — будь то русская, казахская, украинская, любая, — дали нам весьма много: полезные, ценные, окрыляющие советы и напутствия натолкнули на интересные, плодотворные размышления. Нет сомнения, что эти размышления будут способствовать рождению новых песен, романов, балетов.

Да, мы получили истинно огромный заряд вдохновения. Надо нам не утратить творческого горения, я бы даже сказал, нетерпения и поскорее приняться за напряженную творческую деятельность, в которой не было бы недостатков и слабостей (о них нам говорили прямо и сурово), но которая учла бы благородный опыт и разум декады.

Мне кажется, что в памятные декадные дни мы еще лучше узнали друг друга, наши сердца еще шире раскрылись навстречу друг другу.

Как писателю мне больше всего запомнились встречи с московскими литераторами, наибольшее впечатление оставила обсуждения различных жанров нашей литературы в Союзе писателей. За трехдневное обсуждение прозы выступило более тридцати человек. Говорили конкретно, предметно, заинтересованно. Важно отметить, что конкретный ана-

лиз сочетался с проблемным разговором по вопросам, общим для всех братских литератур. В этом смысле запомнились суждения о национальной специфике. Живо затронули всех и соображения о психологии творчества писателей, об отражении дружбы народов в художественной литературе. Вопрос о художественном изображении представляется братских народов имеет много общих для всех писателей трудностей и граней. Взаимный обмен творческим опытом и в этом отношении, конкретно по этой теме, поучителен и интересен.

Радует меня, что декада оказалась очень полезной для нашей литературной смены — для молодых писателей и поэтов. Пополнение нашей литературы в последние годы идет за счет неплохих подготовленных культурных молодых литераторов. По-моему, на декаду они получили ответы на многие вопросы их профессии и прежде всего еще раз осознали, как важно всем нам, а особенно им, молодым, страстным современным, как великой действительности, выискивать и находить свое место.

Мы привезли в Москву песни, картины, музыку, пляски, книги. Вместе с ними мы привезли и большие мечты — добиться признания у московского читателя и зрителя, «вооружиться» опытом и новыми планами. Мы уезжаем после дорогих для нас, напряженно-трудолюбивых дней с уверенностью, что наши мечты сбылись, надежды оправдались. Как говорят у нас в Казахстане: мудрость рождается от свершенных мечтаний. Так скажем за это великое спасибо нашим друзьям, родной Москве!

ТОРЖЕСТВО ПАХАРЯ

Николай ВИРТА

КАБТО ЛЕТ ПЯТЬ назад засиделся я с утра до вечера в одном сельском доме. Тарелка радиостет, подвешенная на крюк, рабее служивший для керосиновой лампы, не умолкала ни на минуту. Я спросил хозяйку: неужели вы никогда не выключаете радио? Мой вопрос удивил хозяйку. Больше того, по глазам его я убедился, что он показался ему кощунственным. — Позволь, — сказал он, — радио поставлено Советской властью и партийей для сознательных людей. Чтоб, значит, слушали. А вдруг расскажут что-нибудь плохое, чего я отродясь не знал, да и моим ребятам вредное? Ведь, поди, каждому хочется поговорить по радио, да только не все то достойно! Выходит, что тут, — хозяин постукал по репродуктору, — каждое слово — золото.

С туманного рассвета и до того часа, когда загорается на белом небе первая звезда, и до боя курантов Кремля, каждую свободную минуту слушаю то человек и его семейство тех, кто пел или говорил по радио, полный жалкой всепоглощающей любознательности к тому, что творится на белом свете.

Что же был тот человек, один из миллионов подобных ему? Крестьянин, русский исконный и коренной мужик, в недалеком прошлом предмет раздумий философов, психологов и исторических исследователей, едва ли не главный и почти всегда печальный герой романов и поэм, начиная от Радищева до Льва Толстого, Чехова и до Шолохова в наши дни; личность, вокруг которой кипели литературные и политические страсти; фигура, за которую валились классы и партии; труженик, рабочий, крестьянин, солдат, питающий всех нас.

С детства я наблюдал его жизнь — эту юдоль печали и нищеты духовной и материальной. Многие мои приятели жили в саманных мазанках пол скобочившихся и завалившихся крышами, солома с которых — гнилая, бурая — неизменно по весне шла на корм скотине, висевшей на веревках в дырявых хлебах... Он, этот поилец и кормилец, был повластен не только парю-батьшке, но и земскому начальнику, становому приставу, уряднику, стражнику, волостному старшине, сельскому старосте и десятскому, попу, мельнику, лавочнику.

Он знал только одно: работу. И работа эта, порой не приносящая ему ничего, кроме перспективы пойти «до куколкам», почиталась им посылкой и окаянкой. И не потому ли русский крестьянин в своем обиходе редко употреблял благодарное слово «труд»? Не потому ли так печальны были его песни? Не потому ли так люто ненавидел он всех, кто грабил и унижал его; не потому ли слово «барин» было одним из самых ругательных в его речах и суждениях?

Вот почему сельский бедняк с такой страстью пошел защищать от белых и зеленых ту партию и ту власть, которые, единственные во всем огромном земском мире, не только попили его тяготы не только дали ему то вождельное, что силось в тяжелых его махах, — землю; не только призывали его к ничему и никогда не ругали его с городским братом-пролетарием, но и показали свет будущего. К этому будущему, о котором так просто и ясно, смело и звучно сказал в своем докладе на декабрьском пленуме Центрального Комитета партии Н. С. Хрущев, советское крестьянство шло.

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О НАГРАЖДЕНИИ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

За успешное восстановление разрушенного в период войны народного хозяйства и крупные достижения белорусского народа в дальнейшем развитии промышленности, строительства, сельского хозяйства и культуры наградить Белорусскую Советскую Социалистическую Республику орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. М. ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР П. В. ГЕОРГАДЗЕ
Москва, Кремль, 22 декабря 1958 г.

ВЗЫСКАТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ЗАБОТЛИВОЕ, взыскательное слово друга, — так определил существо происшедшего в Союзе писателей СССР обсуждения казахской прозы Мухтар Ауэзов. Эти же слова с полным правом можно отнести и к разговору о поэзии, и к беседам о казахской детской литературе и драматургии, критике.

Многие писатели и критики, выступавшие на этих обсуждениях, старались не ограничиваться отдельными замечаниями, а подходить более широко, поднимать серьезные и актуальные вопросы сегодняшней литературного процесса. Такую тенденцию надо всячески развивать и поддерживать, ибо только при этом условии обсуждения книг писателей братских республик будут плодотворны.

По количеству литературных произведений, переведенных на русский язык, казахская декада, пожалуй, наиболее богата. свыше 200 книг изданы в Алма-Ате и Москве, — такой литературный «урожай» казахских товарищей в декаду. Участники обсуждений столкнулись с огромным объемом материала, разнообразием тематики, жанров и стилей.

Национальное своеобразие литературы — вот вопрос, который наиболее живо обсуждался на примерах казахской прозы. Проза Казахстана, как и во всех молодых литературах, крепко связана с фольклором; на этой основе создается особая афористичность, предметность мышления, особые приемы построения образа. З. Кедрина совершенно справедливо выступала против поверхностного понятия «национальный колорит», который зачастую, чего греха таить, «воссоздается» при помощи нехитрых аксессуаров, тогда как национальное своеобразие литературы — дело гораздо более сложное. Оно включает в себя, как говорил М. Каратаев, все особенности преломления в той призма впечатлений, восприятий, через которую художник данной национальности, соответствующее своему национальному характеру и темпераменту, наблюдает действительность. Национальное своеобразие литературы вытекает из лучших традиций родного народа. Глубоко национальны многие образы в романах М. Ауэзова, образ Раушан в романе Т. Ахтанова «Грозные дни» и другие, о которых говорили выступающие.

Но традиция традиция, что в национальных традициях казахской литературы полно, а что порой мешает ее развитию? — этот вопрос поставил К. Зеленинский. Пытаясь ответить на него, З. Кедрина выдвинула тезис о плодотворности традиции поощрения, идущей от фольклора. З. Кедриной возражал казахский писатель Т. Ахтанов. В литературе Казахстана, сказал он, действительно много устойчивей, однопла-

новости, дидактики. Это и вправду идет от традиции, идет от фольклора. Но следует ли считать эту традицию приемлемой и плодотворной? Ведь сейчас от этой традиции пронекает слабые казахской литературы, и нет никакой нужды возводить их в достоинство.

Несомненно, в области исследования национального своеобразие литературы критика сделала пока еще немного. Поэтому отдельные наблюдения над национальными особенностями казахской прозы (например, в выступлениях А. Макарова и В. Дорощева) были полезными и интересными.

В сегодняшней казахской литературе эту проблему звучит тема современности, тему советской литературы, стремление быстро и горячо откликнуться на животрепетную действительность отметили А. Сурков и А. Макаров. Взять, к примеру, книги молодых писателей З. Кабулдова «Искра жизни» и С. Шаймерденова «Ине» (о них говорили Д. Еремин и М. Юфит). Молодые писатели внесли в нашу литературу немалый жизненный опыт и свою тему, сказал М. Ауэзов, посоветовал им утвердиться на этой своей теме, почитать мастерство.

Проблемы исторического романа, исторической конкретности, изображения судьбы народа, создания образа национального героя обсуждались на примерах многочисленных произведений о прошлом казахского народа: эпопеи М. Ауэзова об Абае, автобиографической повести С. Муканова «Школа жизни», романов Г. Мусрепова «Пробужденный край», Х. Есенжанова «Лик — светлая река», повести З. Шайкина «Наступил утро». С анализом романов М. Ауэзова «Абай» и «Путь Абая» выступили З. Кедрина, И. Гринберг, Л. Валь, Б. Брайнина и другие. Споры разгорелись вокруг романа Г. Мусрепова. Отмечая достоинства этого большого произведения прекрасное знание народной жизни, мастерство лепки образа, лаконичность, некоторые выступающие (В. Дорощев, Ю. Либедиский, С. Злобин) упрекали автора в том, что он проходил мимо общенародных и общероссийских событий, происходивших во время действия романа, и отсюда возникают некоторые анахронизмы и «натяжки».

«Повесть» об обсуждении произведений В. Момыш-Улы: много писателю проявило большой интерес к произведению и личности этого не совсем обычного писателя, пришедшего в литературу после того, как он стал известен широким кругам читателей по книге А. Бека «Волоколамское шоссе». Произведения В. Момыш-Улы «За нас Москва» и «Наша семья», о которых много и содержательно говорили С. Трегуб, П. Вершигора, А. Боржаговский, Е. Пермитин, И. Кремлев, Л. Су-

боцкий, документальны, достоверны, основаны на виденном и пережитом. В то же время это не просто книга «бывалого человека» — это книги художника, умеющего нарисовать запоминающийся образ, дать интересную характеристику. С темой Великой Отечественной войны вошел в казахскую прозу также молодой и самобытный писатель Т. Ахтанов, о романе которого «Грозные дни» было сказано немало теплых слов З. Штейнманом, Ш. Насыровым, А. Макаровым.

Менее повезло другим молодым казахским прозаикам, а они-то и нуждались больше всех во внимании, тщательном разборе достоинств и недостатков своих произведений. Упреки казахских писателей организаторам и участникам обсуждения в недостаточном знании их книг и вытекающем отсюда повышенном внимании к немногим именам были обоснованы.

О современности пошла речь и в те дни, когда собирались поэты. С первых дней Советской власти лучшие представители казахской поэзии живо откликнулись на самые насущные вопросы современности. Недаром сказал С. Муканов: «Казахская литература может гордиться тем, что уже на другой день после выстрела «Авроры» она откликнулась на него стихами Саенка Сеифуллины». Эта традиция жива и плодотворна в казахской поэзии и сегодня. «У наших поэтов сильно развито чувство современности» — эти слова М. Каратаева не преувеличение. Поэтому тема «современности и поэт» стала, пожалуй, главной в беседе о поэзии. Большинство выступлений было деловым и конкретным, и поэтому участники обсуждения очень резко реагировали на расплывчатые, декларативные выступления (к сожалению, были и такие).

— Казахская поэзия поражает чистотой и благородством мысли, отношением к людям, — заявил С. Кирсанов. Эти лучшие черты казахских стихов и поэм отмечал и Н. Тихонов, признавший к достижению поэтического изобилия, к большой масштабности и разнообразию.

Отмечая заслуги многих переводчиков, немало потрудившихся над тем, чтобы бережно донести до русского читателя национальное своеобразие казахской поэзии, почти каждый выступавший говорил и о небрежных, неточных, а иногда просто халтурных переводах. Приводились примеры, когда за переводы с языков народов СССР берутся люди некалвалифицированные, не имеющие никакого отношения к литературе, зачастую переводы делаются с безграмотных подстрочников. Давно пора навести порядок в переводческом деле, заниматься переводом братских литератур постоянно и не устранять «барьеры» перед декадами,

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГ КАЗАХСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

когда, как остроумно заметил С. Муканов, самолеты не успевают доставлять переводчиков из Москвы в Алма-Ату и обратно.

На обсуждения поэзии очень много говорилось о поэтических сборниках Г. Орманова, А. Тажимаева, И. Саина, А. Сарсенбаева, И. Молдагалеева. Это действительно интересные книги. Но ведь декадой только в Алма-Ате было издано на русском языке более двадцати сборников стихотворений. Таким образом, творчество значительной части поэтов оказалось вне внимания московских товарищей. Могут возражать, что времени было в обрез. Однако если бы все выступления отличались такой собранностью, эрудицией и конкретностью, как выступления Н. Тихонова, В. Потапова, Л. Озерова, С. Кирсанова, А. Лейтеса, М. Луконина, С. Линкина, можно было бы сказать больше о творчестве казахских поэтов.

Живо и интересно прошло обсуждение казахской детской литературы. То ли потому, что здесь собрался более тесный круг людей, занимающийся этой областью литературы, то ли потому, что организаторы обсуждения проявили больше инициативы и тщательности, разговор был очень деловым, меньше было отвлеченных рассуждений. Русские детские писатели проявили хорошее знание творчества своих казахских товарищей по перу Лев Кассиль подробно анализировал произведения трех ведущих детских писателей Казахстана — С. Бегалина, С. Омарова и М. Зверева. Много интересных мыслей было в выступлениях Н. Емельяновой, Д. Нагишиной, М. Коршуновой, А. Сарсенбаева «Рожденные на волнах», которая признана достойной всеобщего читателя.

Обсуждались также вопросы казахской драматургии. Жаль, что на этом обсуждении прозвучало мало квалифицированное выступление А. Тажимаева, в котором содержались нигилистические, неверные оценки некоторых драматургических произведений. Оно встретило осуждение несогласие участников обсуждения.

О зрелости, насыщенности, высокой актуальности казахской советской литературы говорил на обсуждениях проза А. Сурков. Именно оно, это богатство казахской литературы, определило в конечном счете тот высокий уровень, на котором прошло обсуждение. Правильно говорили многие писатели, и московские, и казахские: такие обсуждения должны происходить почаще, и не только в рамках декады. Тогда они смогут быть совершенными, тогда крепче и теснее будет взаимодействие братских литератур.

(Наши спецкоры)

Литературное обозрение

«Повитель»

РОМАН Анатолия Иванова «Повитель» (Новосибирское книжное издательство) можно назвать историей жизни Григория Воронина, мечтавшего только об одном — разбогатеть.

Когда, казалось, богатство уже в руках, — только руки протянуть, — грянула революция. И он горюет — опоздал родиться.

Обстоятельства и природная хитрость помогли ему скрыть свои черные дела — предательство, стовещение жизни партизанам, убийство тех, кто был в одном лагере с ним.

Прошли десятилетия. Сусеки Григория Воронина ломятся от ворованного добра. И когда люди пришли в его тайники, он расстался на гниющих грудях своего имущества. И в этом весь смысл его жизни: добро, ставшее прахом, означало для Воронина, что и его жизнь пошла прахом.

Такова — в двух словах — история, о которой повествует молодой писатель. С детства лет перед Григорием стоял пример отца, всю жизнь пытавшегося выбиться в «хозяева». Трудом этого было не достичь, и Петр Воронин решает на убийство.

Деньги цыгана-коновала, который стал его жертвой, наполняют Петра сознанием своей силы. Григорий оказался хорошим помощником отца — он помог спрятать концы в воду.

Когда Петр мечтает «принять» лачонника Лопатина, открыв свою лавку, Григорий с несрываемым восхищением говорит:

«— Планы у тебя, батя...
— Подходящие, сынок, планы. Развернемся...»

Отец и сын начинают «развертываться». А чтобы больная Арина, жена Петра, не рассказала об их преступлениях, запирают ее в доме, умышленно не отправляя в больницу.

Так, шаг за шагом, чувства собственника вытесняют в душе Григория все человеческое.

Писатель, изображая своих героев, их мысли и поступки, нигде не повышает голоса, и тем страшнее впечатление от того, что мы узнаем.

От деревни Локти до ближайшего крупного селения — верст пятьдесят. Лениво течет по деревне речка. «Так же лениво и закончилась жизнь в Локтях», — заключает писатель, и художественный образ придаленного таяжника и горьким сном царства создает необходимое настроение.

Откупившись от фронта награбленными деньгами, Григорий рассчитывал идти и идти по жизни, как хозяин.

Когда революция ломает все его планы и надежды, он не хочет браться за оружие. Пусть «кладут свои головы другие» — ему надо жить! Жить только для себя!

На склоне лет он увидел бесцельность прожитой им жизни. «Кто он, Григорий Воронин? Зачем живет?» «Жизнь прожита, а что нажито? Ничего. Умерт — и не останется от него следа... Петька вот только, сын... Все всегда, световое, все... А сына? Ну, нет, сына вот не отдам...»

И Воронин начинает борьбу за сына, о котором все время мечтал, который должен был продолжить его дело — богатеть, держать всех в кулаке. В этой борьбе Воронин терпит крах — его сын, его Петр, отворачивается от него, разглядывая в отце зверя. Юноша уходит к тем, кого отец только ненавидел всю жизнь, кому он был готов переругать горло.

Воронин остается один. Почва ушла из-под его ног — и он пытается найти забавление в водке, все более теряя человеческий облик.

Возможно, что кто-нибудь упрекнет А. Иванова за то, что отрицательный образ оказался главным, а противопоставление ему сильные характеры отнесены на второй план.

Но такой упрек окажется неправомерным — это обусловлено своеобразием замысла писателя. Его прежде всего интересует не только и не столько реакция общества на поведение боронинских, сколько другое: показать, как «естественное» разрастание собственных чувств, стяжательство, индивидуализма приводит носителей этих качеств к духовному самоуничтожению.

Сейчас, когда все настоячее и громче звучит голоса буржуазных писак о «зрачной личности в «свободном мире», роман «Повитель» является убедительнейшим художественным ответом на подобную проповедь. Где индивидуализм — там человеконенавистничество, — справедливо утверждает писатель.

Образная ткань произведения раскрывает смысл заглавия. Повитель в народе называют повилку, сосунулю соки из молодых растений. Воронин — та же повитель, и дело заблудившего хозяина — уничтожить ее.

Ю. МОСТОВ

Повесть о юном герое

О ПИОНЕРАХ, ставших во время Великой Отечественной войны партизанами, разведчиками, написано немало, но каждую новую книгу о маленьких героях неизменно встречают с жадным любопытством, особенно читатели-пионеры, решающие для себя «сделать бы жизнь с коготь».

Недавно Крымиздат порадовал детей среднего и старшего возраста книгой Якова Ершова «Витя Коробков — пионер партизан».

Повесть эта, как говорит автор в предисловии, основана на подлинных событиях. «Действительно в Феодосии нагрозилась мальчик Витя Коробков. С раннего детства увлекался он рисованием, мечтал стать художником».

Яков Ершов отказался от заманчивой возможности приукрасить своего героя. Характер Витя выписан ярко, правдиво, но без претензий. Работает ли он над картиной, распространяет ли листовки или идет в партизанском дозоре, — это всегда обыкновенный человек, невозможно восторганный, чуть-чуть подчёрнутый серьезной, всегда правдивой и честной, похожий на сотни тысяч своих сверстников, воспитанных советской школой и пионерской организацией, — и в то же время отличный от них тем, что и чувствует он по-своему и думает у него свои, особые, и говорит он не так, как другие. Доверчивый к друзьям, положительный к врагам, отличающийся особой, какой-то хрустальной чистотой, этот мальчишка вызывает у каждого, кто узнает его, теплые чувства.

В повести Ершова есть небольшая глава «Тайна Шурика Воробьева», в

которой раскрывается характер другого юного патриота. Писатель сдержанно, даже скупо нарисовал образ Шурика. Но сколько в этой сдержанности скрытой силы!

По заданию матери-подпольщицы Шурик выполняет опасные поручения, выполняет, как будничную работу: споникно, неторопливо и уверенно.

И все же маленькие герои Ершова всегда дети. Только грозные обстоятельства навязали их бурной, живой натуре молчаливость и скрытность. Задронное, мальчишеское, идущее от потребности «поиграть в войну», вторгается в их «всадегличную» борьбу за свободу родной страны.

Дружки подпольщики смастерили бумажного змея и пристроили к нему зашнурованную ленточку. Так появился воздушный почтальон.

Когда листовки закружились, как белые чайки, и понеслись над городом, ребята ликовали.

«— Вот красота, Вовка! Вот пилюля полталям!»

Витя заложил два пальца в рот и пронзительно свистнул. Славна вышла из своего укрытия и, уже не таясь, бросилась к товарищам».

Таких экономящих, но живых и правдивых сцен в книге Ершова много. За действиями Витя Коробкова, юного разведчика, читатель следит с неослабным интересом, гордясь его смеелостью, хитростью и аккуратностью при выполнении боевых заданий.

Оптимизмом, верой в окончательную победу Красной Армии дышат последние страницы повести, рассказывающие, как Витя Коробкова вслед за отцом увозят на расстрел.

Думается, что книга Якова Ершова найдет дорогу к сердцам не только юных, но и взрослых читателей.

Однако автору не все удалось в его первой повести. Встречаются и проходы, дежурные образы. Скажем, надо показать страдальца или группу подпольщиков — появляется безликая, бесхарактерная фигура, произносит фразу, которую по ходу действия, и бесследно исчезает.

Повесть в целом представляет нам растраченную. Некоторые из глав по значению близки к вставным новеллам. Разумеется, это вполне позволительно, так как, прибегая к такому приему, автор расширяет диапазон повествования, знакомит читателя с новыми людьми, новыми фактами. Но по-настоящему хорошо лишь то, что не нарушает меры. А. Я. Ершов, на наш взгляд, злоупотребляет этим приемом. Так, первая часть повести перегружена письмами из Артека, которые, занимая много места, ничего не прибавляют к характеристике персонажей. Встречаются в повести и стилистические погрешности.

Но эти недостатки не те, что сводят на нет достоинства художника. Это скорее слабости роста, которые легко преодолеть.

А. СТРЫГИН

Ровесники

У КАЖДОГО поколения — неповторимая, по-своему прекрасная судьба, в которой всегда есть незабываемые страницы. У моего поколения такой страницей стала война. Она подвела черту под детством и наделила героической подвигом юношеские годы. В мирные послевоенные годы племя наше вошло возмужалым, закаленным.

Я горжусь славной судьбой моих ровесников. Я всегда с волнением беру в руки книги, написанные ими и о них.

Биография молодого писателя Ивана Науменко, с произведениями которого познакомил недавно читатель журнал «Дружба народов», очень лаконична: «В годы Отечественной войны был участником подпольной молодежной группы, партизанским разведчиком. В послевоенные годы работал корреспондентом... окончив заочно университет... аспирантуру... В настоящее время преподавательскую литературу... На белорусском языке вышли два сборника рассказов...»

«Ровесники», — назвал писатель один из рассказов.

«...В маленькой закуской, что стоит под самыми ветвями серебрястых тополей», встретились трое друзей детства. Им есть что вспомнить, есть о чем поговорить. Микола, который «некогда мечтал пробраться в Болгарию и подыять там народ на борьбу за свободу», теперь преподаватель истории в десятилетке. Тишка, который «в юности был созерцательной натурой» и отличался великой добротой и щедростью, теперь лесничий. У рассказчика (он хитровато молчит о себе) тоже, чувствует себя, есть свой твердый жизненный путь. Друзья вспоминают детство, говорят о далеком. Но воспоминания детства вдруг прерываются. За соседним столиком кто-то произносит слова, от которых вздрагивают ровесники...

«— За Ивана Ленинку! — говорит незнакомец и поднимает чарку».

Иван Ленинку... Простой деревенский певичек, партизан, который в первые месяцы Великой Отечественной войны своим героическим поступком указал мальчикам путь настоящей жизни — борьбы с ненавистным врагом. Он был последним из тех, кто вылезал, избивая... души юных патриотов. После этого с заборов полиция и до дело срывали листовки, а под немецкой дрезвиной взорвалась мина...

«...Пронесли воспоминания, а за окном кто-то играет на мандолине, и стоит, «точно почетный караул, серебрястые тополя», которые посажены уже после войны. «Новая юность цветет, мечтает, ищет свои дороги и тропинки...»

«...Герой рассказа «Трое из зеленого павильона» парнишка Саша Петик — тоже парень нашего поколения. С легким юмором, задумчиво рассказывает автор о подвиге Саши, который, случайно получив перед войной три месяца исправительно-трудовых работ, во время оккупации умело использовал справку с тюремной печатью для партизанской конспирации».

В рассказе «Домик редактора» перед нами встает образ доброго, неутомимого, самоотверженного редактора районной газеты Всея Панасюк, верного сына великой партии. Хотя Панасюк — представитель более старшего поколения, но и здесь присутствует наш ровесник. Это — влюбленный в свое дело молодой корреспондент, от имени которого ведется рассказ.

Герои Науменко красивы своим мужеством, своей невидкой с первого взгляда, непоказной любовью к родной земле, своим героизмом. Вот за что Ив. Науменко любит своих героев. Это хорошо чувствуется, настолько хорошо,

что не стоило кое-где излишне подчеркивать свою любовь чересчур прямыми деталями. Скажем, в рассказе «Трое из зеленого павильона» автор, как бы боясь снизить, очернить перед читателем любимого своего героя Сашу, сразу дает читателю почувствовать, что парень все же не враг. Но этим упрощает сюжет и снижает интерес читателя. Зачем?

А вообще — хорошо пишет Ив. Науменко о тех, кого назвал он теплым, родным словом — ровесники.

Р. ТУХВАТУЛЛИН

Незавершенный поиск

ОТКРЫВАЯ книгу поэта, чье имя уже запомнилось нам по периодике, мы радуемся, если книга позволяет нам составить целостное впечатление о ее авторе, понять, к чему он стремится, в чем особенности его творческого почерка.

Ростовский поэт Василий Ковалев печатается уже лет десять. В его сборнике «Дали родные», изданном недавно в Ростове, помещены стихотворения разных лет. Есть здесь стихи, которые обратили на себя внимание еще тогда, когда они появились впервые на страницах журналов и газет. Вот стихотворение «Первый улов», где рыбацкие моторки

Спят поскорей разгрузиться
И снова отправятся в путь,
Волна за волною стучится
Баркасу в смоленую гуду.

И вот уже месяц из тучи
Нырнет в волну, как блесна,
И в крипе далеко уключи
Утиная песня слышна.

Люди, влюбленные в нашу русскую природу, такие строчки мимо не пропустят! Они точны и свежи. Ковалев хорошо знает, о чем он пишет. Приблизительных умозрительностей в его лучших стихах, посвященных Дону, мы не найдем. «Наши леса», «Первый улов», «Целина» и другие стихи из сборника полны свежих наблюдений, конкретны и лаконичны.

Но в других стихах, где поэт пытается подчеркнуть торжественность и красочность высокопарной риторикой, из-под его пера выходят такие строки:

Идут года
Мы вновь возводим здания,
Растут цветы, сажаем клены вновь.
Но никогда нам не забыть названий
Разрушенных войною городов.

К сожалению, подобные стандартные пустоты в маленькой книге нередки. Пытаясь петь не свойственным ему тоном, поэт теряет чувство слова. В стихах наизуток мелькают архаизмы, вроде «желаний пламя», «священные седнины» а «счастье» превращается в «счастье»...

«За ней отара дайгалась сквозь лихо,
Как бы катилась по степи клубком,
Попробуй представить, о чем тут идет речь! Необретает поэт, а редактор И. Врановский попустительствует этому. Иначе как бы могли появиться в книге такие косязычные фразы: «Я вылетел, как в дачный поезд, в скорый в жилищной фабричке своей, в туфлях без галос, в московском кеппе...» Или «рифмы» типа «брызги — жилищный», «эте — ветви», «клеман — огромный», «реки — людские» и т. п.

К своей первой книге поэт должен быть отнесены требовательнее. Лучшие стихи сборника говорят о несомненной одаренности его автора.

А. КОВАЛЕНКО

Для любимых людей

11 СЕНТЯБРЯ 1911 года в камере Херсонской казачьей тюрьмы оборвалась жизнь молодого поэта-пролетария Алексея Гмырева, пламенной революционера, полнокровного члена Николаевского комитета РСДРП. Перед нами — книжка стихов А. Гмырева «Колос молодой», куда вошел также ряд его писем и воспоминаний о нем соратников по борьбе (составитель А. Силенко). Хорошее дело сделал Дегиз, издав эту книгу!

Тонко чувствующий сокровенную красоту природы, влюбленный в поэзию, в народные песни, Алексей Гмырев был борцом, беззаветно преданным рабочему освобождению людей. Ради его счастья он шел на тяжелейшие испытания, бежал из архагической ссылки, подвергался неоднократным преследованиям полиции. Но и за тюремной решеткой Алексей Гмырев гордо говорил врагам и мучителям о том,

Что в неволе я все же борюсь,
Что на воле вы все же рабы!

Он был плоть от плоти, кость от кости революционного пролетариата России. Не потому ли так дружные, за просто не мог обратиться к разбухавшей непоготе: «Здравствуй, гром, здорво, буря!... Не потому ли, чем мрачнее, чем безотраднее было в одиночной камере, тем напряженнее, выше, увереннее звучал голос юноши-поэта:

Телами борцов покрывается поле...
Гри, мое сердце, сильнее гори!..

Гри! Твое честное пламя
Охватит немало таких же сердец!..
Кри, мое сердце, как красное знамя,
Которое поднял рабочий-борец.

Эти стихи написаны мозолистой рукой поэта-самоучки. Алексей Гмырев мечтал о времени, когда на воле, «при лучшей обстановке», он сможет запеть «краснее и сильнее». Ему не довелось осуществить своих замыслов.

«Возраст Алексея Гмырева мы сейчас назвали бы, как о комсомольском возрасте. Недопетую песню его, как и многих других юных поэтов из рабочих и крестьян, погибших в царских застенках, отдавших жизнь за Советскую власть в огне Октябрьской революции, подхватили поэты комсомольцы, пронесли сквозь суровое пламя Отечественной войны поэты-фронтовики: его песни приняли, как живую астафету, лучшие и талантливейшие из молодых».

Пролетарские песни Алексея Гмырева, написанные им для «любимых людей», братьев по классу, шагают в боевом строю советской поэзии. В них немало проблесков высокого поэтического дарования, таких же ярких, какой была жизнь поэта, в них страстное желание юноши-борца увидеть то время, когда солнце мира взойдет, чтобы освещать милый его сердцу край — Родину свободы и труда.

В. ДЕМЕНТЬЕВ

Герман ВАЛИКОВ

ДЕРЕВО

Оно пробилось малюю травинкой,
И чуж робость, радость и усталость,
Затрепетало зеленою крошечкой,
Взяв лесное незаметно акробась.

И много дней оно боялось птицы,
Чтоб та не села на него нежданно.
Ему с лихвой хватило бы умыть
Хватало капли росного тумана.

И надо было к солнцу пробиться,
Над стариками одержав победу,
И надо было птицам полюбиться,
Чтоб в засуху спастись от короеда.

И нужно было громоздиться к тучам,
А в грозах обрело оно закладку,
А в детстве нуже был счастливей случай,
Чтоб похода не срезали на палку...

За тридцать лет, что прожито на свете,
Я целый лес спалил в своей пещурке —
Шаровая сосен — до последней ветки.
Часовни елок — до последней чурки.

И странные порой находят мысли —
Собрать бы все затраты и расходы
Ума и рук своих — учесть, исчислить —
А не в долгу ли я перед природой!

Сложит бы все усилия и затраты —
Сумею ли с потогном расплатиться,
Ведя расчет

косматой,
Зеленой, просмоленной
суховатой,
единицей.

Творчество художников социалистических стран

ЧЕРЕЗ три дня в Москве открывается первая выставка изобразительного искусства социалистических стран. Почти три тысячи произведений живописи, скульптуры, графики увидят вскоре посетители Центрального выставочного зала столицы, где все уже готово и открыто. Рядом с работами больших мастеров на выставке будет экспонироваться много произведений талантливых молодежи. Старшее и молодое поколения художников — 1 240 участников этой выставки — представляют Албанию, Болгарию, Венгрию, Демократическую Республику Вьетнам, ГДР, КНР, КНДР, МНР, Польшу, Румынию, Советский Союз и Чехословакию. В большинстве произведений нашла яркое отражение тема героической борьбы народов социалистических стран за строительство новой жизни, за мир на земле.

Живые люди, народ, открывающий недр, покорители природы — вот подлинно, реальные герои, возникшие из встреч художников со своими современниками.

Живописцы, графики, скульпторы двенадцати братских стран собрались в Москве под большой гостеприимной крышей Центрального выставочного зала. Открывающаяся выставка — выдающееся событие в культурной жизни наших дней.

КНИГИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

26 ДЕНАБРЯ исполняется 25 лет со дня смерти Анатолия Васильевича Луначарского. Его литературное наследие огромно, но еще не достаточно глубоко изучено. В настоящее время Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР приступает к подготовке собрания сочинений А. В. Луначарского.

В течение последних полутора лет вышло несколько изданий его работ. Наиболее фундаментальное из них — двухтомное собрание избранных произведений, выпущенное издательством «Наука». Здесь около двухсот статей, рецензий, обзоров, относящихся к русскому революционному, советскому, а также зарубежному театру.

Большой интерес представляет и том статей о литературе, вышедший в Гослитиздате. В книгу включены произведения, посвященные общим вопросам теории литературы и истории литературы, отдельные периоды русской и западной литературы, ее выдающиеся мастера.

В течение последних полутора лет вышло несколько изданий его работ. Наиболее фундаментальное из них — двухтомное собрание избранных произведений, выпущенное издательством «Наука». Здесь около двухсот статей, рецензий, обзоров, относящихся к русскому революционному, советскому, а также зарубежному театру.

В скором времени должно появиться еще несколько книг: сборник «О народном образовании», издаваемый Академией педагогических наук РСФСР, статьи и речи по вопросам международной политики («Соц. анализ», «В мире музыки», статьи о Скрибине, Вагнере, Чайковском, Танееве, Римском-Корсакове и других («Советский композитор») и наконец, сборник статей о Вахтангове и вахтанговцах (издано «Искусство»).

Вышли в свет...
Издательство «Советский писатель»
Алексей С. Песцы. 382 стр. 5 000 экз. 9 руб. 40 коп.
Васильев И. В гору — под гору. Роман. 234 стр. 75 000 экз. 4 руб. 35 коп.
Горышкин Г. Хлеб и соль. Рассказы. 164 стр. 15 000 экз. 3 руб. 25 коп.
Колосов В. Они шли рядом. Рассказы. 185 стр. 15 000 экз. 2 руб. 35 коп.
Иванов А. Линия жизни. Избранные рассказы и очерки. 423 стр. 75 000 экз. 7 руб.
Латын Б. Избранное. Предисловие И. Эрнста. 568 стр. 75 000 экз. 9 руб. 85 коп.
Назарова Т. Твердой поступью. Роман-хроника. 884 стр. 30 000 экз. 13 руб. 10 коп.
Плаустовский К. Начало неведомого века. Повесть. 221 стр. 30 000 экз. 4 руб. 75 коп.
Поэты Балкан. Стихи. Перевод с балканского. 234 стр. 5 000 экз. 4 руб.

Ф. В. ГЛАДКОВ

20 декабря умер Федор Васильевич Гладков, один из значительных советских писателей, выдающийся русский писатель, активный участник революционного движения в России. Трудно поверить, что нет с нами этого замечательного писателя-коммуниста, горячего, беспокойного, необыкновенно доброго и нежного человека, который вопреки тяжелому недугу молодого и щедро отдавал свои силы Родине.

Совсем недавно, в июне этого года, наша общественность отмечала семидесятилетие Федора Васильевича Гладкова, и этот юбилей естественно превратился в большой праздник советской литературы.

Ф. В. Гладков всегда своеобразно и талантливо откликался на самые животрепещущие вопросы, волнующие всю страну. Он первый в советской литературе, в своем романе «Цемент», широко развернул тему труда; процесс социалистического строительства у Гладкова — прежде всего процесс роста, создания новых и самых лучших качеств человеческой воли, ума, сердца. Это сразу по выходе романа в свет отметил А. М. Горький.

О великой борьбе и великом труде народа рассказывают все книги Гладкова — «Цемент» и «Энергия», автобиографические произведения — «Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година», его повести и рассказы.

Имена мужественных и благородных героев его книг — рабочего-фронтовика Глеба Чумалова, парторга Мирона Вагагина, фрезеровщика Николая Шарова — давно стали именами нарицательными, вошли в жизнь, стали примером для подражания.

Его последние автобиографические повести знаменуют собой большое достижение советской эпической литературы, которая овладела мастерством изображения жизни людей в неразрывной связи с движением самой истории. Свообразное эмоциональное письмо Гладкова, в основу которого легла народно-бытовая речь и устное народное творчество, достигает в этих повестях высокого мастерства.

Заслуги Ф. В. Гладкова в развитии советской литературы были высоко оценены Советским правительством. Он

был награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, дважды удостоен звания лауреата Сталинской премии. Трудящиеся Российской Федерации оказали Гладкову почтительное доверие, избрали его депутатом Верховного Совета РСФСР.

Федор Васильевич Гладков в своей разнообразной, неутомимой общественной деятельности особенно много внимания и любви уделял воспитанию молодежи. Еще до революции он был народным учителем по призванию, в советское время он стал организатором и преподавателем первого в стране рабочего политехнического университета, директора Литературного института имени Горького.

Имя Федора Васильевича Гладкова будет долгие годы жить в сердцах миллионов советских людей. Его книги будут помогать народу в его благородной борьбе за торжество коммунизма.

Правление Союза писателей СССР
Правление Союза писателей РСФСР
Правление и партком Московского отделения Союза писателей РСФСР

Старший друг

Умер Федор Васильевич Гладков... Давно уже мы, все друзья его, знали, что со здоровьем у него неладно, но каждый раз при встрече, пожимая его горячую руку, чувствуя на себе его необыкновенный взгляд, и ласково-взвешивающий и высокотребовательный, мы думали с облегчением: «Ничего, дела нашего старшего друга еще не так плохи!». Ведь сколько подлинной жизни чувствовали мы в каждом слове его, особенно когда он заговаривал о самом главном, о том, что происходит сейчас в литературе. И об одних явлениях он говорил с горячей похвалой, о других — с горечью, с презрением, но никогда холодного равнодушия не слышно было в его словах...

Место Ф. В. Гладкова — и не только в советской литературе, но в мировой литературе нашей эпохи — навсегда определит бессмертный «Цемент». Это было время, когда мы, современники Гладкова, еще писали о гражданском воине, а Федор Васильевич, «сохранив в «Цементе» и эту тему, перешел к изображению того, как социализм создается, он решил эту задачу с небывалой широтой, он не ограничил себя описанием производственных процессов. Он создал образы Глеба и Даши, мужчины и женщины нового мира, крепко связанных любовью и служением великой идее, показал их то во взаимной страстной привязанности, то в не менее страстных идейных столкновениях. И в том и в другом, и в любви и в спорах, перед нами мужчина и женщина нового социалистического мира, муж и жена, равные и дружные.

После «Цемент», давнего героика социалистического труда эпохи восстановления народного хозяйства, написана была «Энергия», в которой воплотили трудной пафос первой пятилетки, потом «Литая», где восстал патристический труд героев тыла Великой Отечественной войны.

Право же, если бы Федор Васильевич на этом остановился, мы, писатели, друзья его и читатели, остались бы навеки благодарны ему. Но вдруг, уже на седьмом десятилетии жизни, круто оглушившись на всю свою жизнь, писатель в своей замечательной автобиографической трилогии так показал нам свое прошлое и будущее русского народа в его устремлении к будущему, что мы словно увидели перед собой нового писателя, привнесшего новое содержание и обновившего форму...

Федор Васильевич Гладков пришел в литературу тогда, когда она была разделена на различные направления и группы. Мы с ним принадлежали к разным группам: Гладков — к «Кузнечки», я — к РАППу. Но Федор Васильевич шел со своей дружбой к тому, кого он ценил, ломая групповые преграды, понебрегая ими и отбрасывая их. Ф. В. Гладков всегда пристально

не следил за всем, что происходит в литературе, — за каждой писательской судьбой. Я сохранил в своей памяти ту оценку, которую Федор Васильевич давал каждому написанному мною произведению. Случалось, что он и критиковал меня, — так было с повестью «Завтра».

В прошлом году, когда мой новый роман «Утро Советов» только еще вышел, он позволил мне по телефону и сказал коротко:

— Юрий, зажди ко мне. Мне нужно кое-что сказать тебе о твоём новом романе.

И тут я вдруг с ужасом вспомнил, что не успел еще подарить Федору Васильевичу свою книгу. Надислав ее, я тут же зашел к Гладкову и начал объяснять, почему получилось так, что я с опозданием приношу ему книгу.

— Пустяки, — ответил Федор Васильевич. — Я в библиотеке взял.

Как он был ласков со мной, когда одобрил мою работу! Но тут же сделал ряд замечаний по языку и стилю, и среди них ни одного, которое не приодилось бы мне при переиздании романа. Мы никогда не забудем, что в литературе нашей Федор Васильевич был ревнителем чистоты великого нашего языка, хранителем его необычайных сокровищ...

До последнего вздоха сохранив верность Коммунистической партии, передовым и активным членом которой он состоял, Федор Васильевич обладал прекрасной ненавистью к врагам нашего великого дела. Но другой стороной этой ненависти была его благородная и деятельная любовь к друзьям и соотечественникам по великому делу.

Дорогой старший друг, уже находясь в больнице и жестоко страдая от страшного недуга, ты нашел силы, узнав о моем шестидесятилетнем и высоком правительственной награде, послать мне поздравительные телеграммы. Разве забуду я об этом когда-нибудь!

Пусть высший образ писателя-коммуниста, писателя-друга навеки останется в сердцах писателей младших поколений, в сердцах благодарного многомиллионного читателя!

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

ИЗВЕЩЕНИЕ

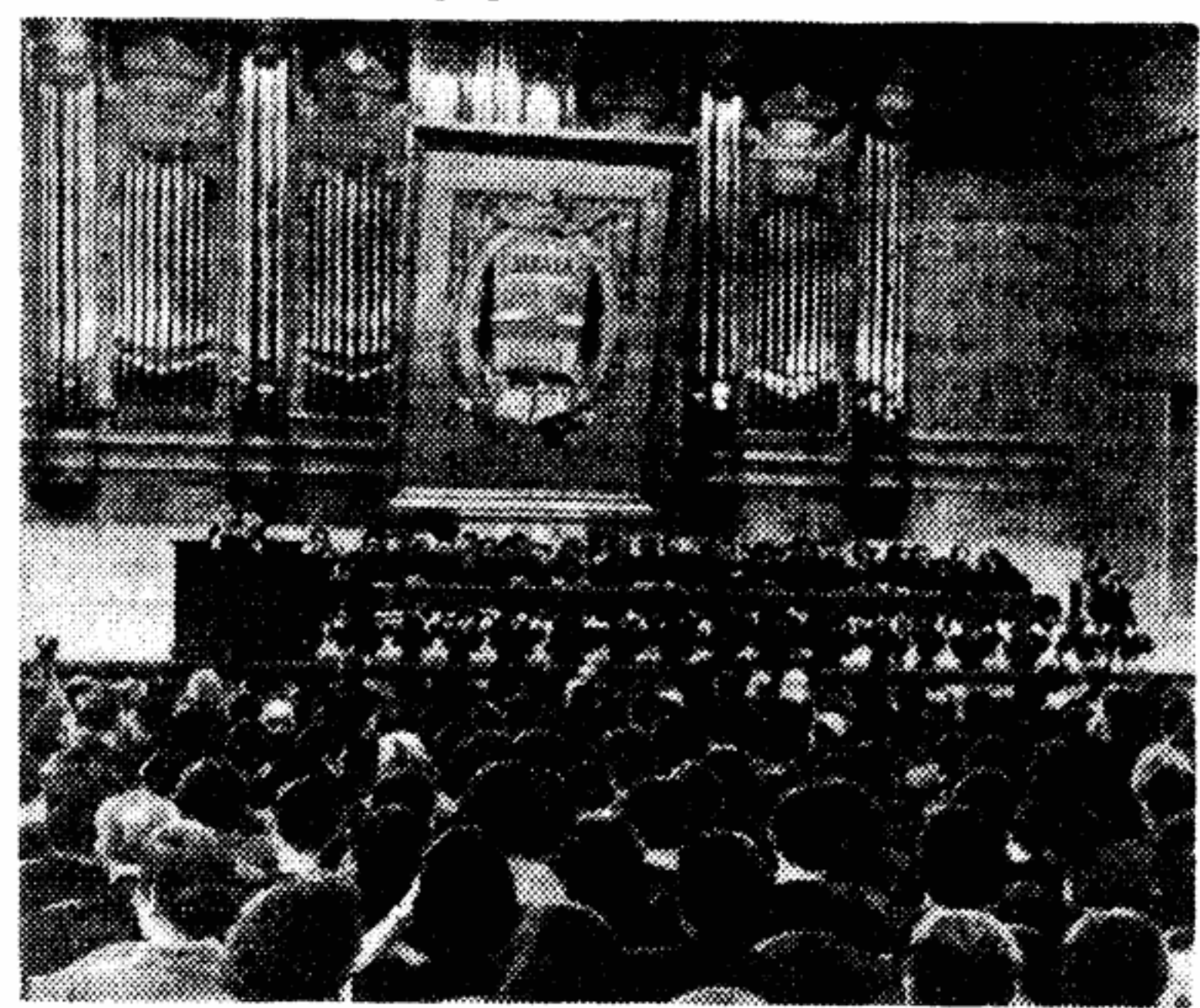
Комиссии по организации похорон Ф. В. Гладкова

Гроб с телом Ф. В. Гладкова установлен в Центральном Доме литераторов 23 декабря с. г. (ул. Вороског, 50).

Доступ к гробу для прощания с покойным будет открыт с 11 часов утра. Гражданская панихида состоится в 2 часа дня.

Похороны на Новодевичьем кладбище в 3 часа дня.

ПРАЗДНИК КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

место в советской литературе, пользуясь любовью и уважением всесоюзного читателя.

Председатель правления Союза писателей Казахстана Г. Мурсупов, подводя итоги декады, подчеркнул, что казахскую литературу смело можно назвать глашатаям дружбы народов.

Горячими аплодисментами встретили участники вечера выступление старшего украинского писателя, академика Максима Рыльского, обратившегося со словами приветия к могучему отряду советской казахской литературы, которая, как прекрасный поток, вливается в общее русло многонациональной советской литературы. Свою речь М. Рыльский закончил на украинском языке здравницей в честь друзей и братьев советских народов.

В кратком вступительном слове секретаря правления Союза писателей СССР К. Симонов отметил, что казахская литература по праву занимает большое и важное

Большим и радостным праздником многонациональной советской культуры был заключительный вечер литературной части декады.

Свои стихи на казахском языке читали Таир Жароков, Жумагали Санн, Хамид Ергалиев, Абу Сарсенбаев, Сырбай Мауленов, Сапаргали Бегалин, Музафар Алимбаев, Мариям Ханымжанова, Найнекей Жармагамбетов, Халижан Векхожин, русские поэты, работающие в Казахстане, — К. Алтайский, Ф. Моргул, Д. Свигун, поэт Н. Сидоренко.

На вечере присутствовали секретарь ЦК Коммунистической партии Казахстана Н. Джандилдин, председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР Ж. Ташенев.

Вечер закончился большим концертом мастеров искусств Казахстана.

На снимке: Заключительный литературный вечер декады в Большом зале консерватории. Фото Г. АЛЕКСАНДРОВА

СВОБОДУ ГРЕЧЕСКИМ ДЕМОКРАТАМ!

5 ДЕКАБРЯ в Афинах был арестован Манолис Глеозос, национальный герой Греции, сорвавший в годы гитлеровской оккупации фашистский флаг с Акрополя. В последние годы Манолис Глеозос был директором прогрессивной газеты «Авги» и одним из руководителей Единой демократической левой партии (ЭДА). Эта партия на последних парламентских выборах получила наибольшее после правящей партии количество голосов.

Греческая асфальт (политическая полиция) держит за решеткой вместе с Манолисом Глеозосом большую группу патриотов, верных сынов народа. Им предъявлено ложное обвинение в «шпионаже». Их собираются судить военный трибунал. Министр внутренних дел Греции Манрис требует расширения политических репрессий, выступает с угрозами по адресу ЭДА.

Арест Манолиса Глеозоса и других греческих демократических деятелей вызвал глубокое возмущение во всем мире. Они известны как отважные борцы против подготовки новой мировой войны, создания американских атомных баз на территории Греции, за свободу Кипра, за подлинную независимость для родной страны.

Манолиса Глеозоса и других демократических деятелей знают и любят в Греции. Их глубоко уважают, им верят. Именно поэтому реакция пыталась создать в стране обстановку истерии, чтобы расправиться с демократическими деятелями и позависть всякую критику правительственной политики.

Тревожные вести из Греции глубоко волнуют советских людей, в том числе ребят из московской школы № 706. Крепкая дружба связывает их со старшим сыном греческого народа Манолисом Глеозосом. Когда несколько лет назад греческие реакционеры пытались, так же как и сейчас, расправиться с Глеозосом, юные москвичи послали в Грецию письмо с требованиями немедленно освободить Манолиса Глеозоса.

Осенью прошлого года, когда Манолис Глеозос прибыл в нашу страну, он, увидев со своими юными друзьями из 706-й школы. В «интернациональном дневнике» школы Манолис Глеозос оставил такую запись:

«Вам, стремящимся овладеть знаниями, вырвать тайны у природы, напоминая, что есть на свете дети, у которых нет средств не только для того, чтобы учиться, но и для того, чтобы жить. Помогите, которую вы можете им оказать, — это будет лучше, использовать знания, которые получили, на пользу всем и, таким образом, дать им крылья, огромные и сильные, которые помогут им приблизить свободу во всем мире.»

Манолис ГЛЕЗОС.

На снимке: Манолис Глеозос среди московских школьников.

НАЧИНАЯ разговор о современной венгерской литературе, следует сразу же сказать, что хотя наша литература все еще отстает от общего развития страны, тем не менее положение на литературном фронте коренным образом изменилось к лучшему. Наша литература вышла из опасного политического кризиса, в ней вновь прочно утвердился социалистические тенденции.

Процесс этого утверждения интересен. До октября 1956 года среди некоторых писателей вошел в моду ревизионистский взгляд, что литература социалистического реализма скучна, схематична, старомодна. Такого рода враждебная «критика» не могла помочь в борьбе с действительно имевшимися ошибками, да и направлена она была совсем к другой цели: заставить замолчать писателей коммунистов. Социалистическая литература начала изживать свои недостатки не вследствие этой ревизионистской критики, а как раз наоборот — во время борьбы против ревизионизма, начавшейся после октября 1956 года. Борьба и победа над контрреволюцией оказались прекрасной школой для венгерской литературы.

Выполнила ли венгерская литература все требования, поставленные перед ней новым этапом в жизни венгерского народа? Нет, еще не выполнила. Но она уже вступила на путь выполнения этих требований и поднялась на более

высокий уровень, чем раньше. А если вкратце направление верно, если есть талантливые, упорно и творчески работающие люди, — а такие люди у нас есть! — то мы можем с надеждой смотреть вперед.

Но нам не приходится стыдиться и уже достигнутых результатов. Когда я думаю о том, что за последние два года на тему о борьбе с контрреволюцией написано три драмы, шесть больших романов, несколько сборников новелл и стихов, что на ту же тему выступают наши публицисты, то мне кажется, что это не так уж мало.

Каков же художественный уровень новых произведений? Я хочу ответить на этот вопрос, приведу один эпизод. Не так давно мне пришлось беседовать с журналистом из Западной Германии, который в нашей стране ко всему придирался и во всем сомневался. Но одно как разозлило его, что он не сумел даже найти повод для придиризма — оглушительные аплодисменты, которыми зрители театра приветствовали пьесу Имре Добози «Вихрь». В ней речь идет о том, как крестьяне производственного кооператива поднимаются на

борьбу против вернувшегося помещика и его преступной банды. Главным героем пьесы Добози — коммунист. На ту же тему написана повесть Эрне Урбанса «Трудное положение», с которой уже знакомы советские читатели.

Многие произведения последнего времени посвящены интеллигенции, вернее, тому, как ревизионистам и предателям удалось ввести в заблуждение и повести за собой часть интеллигенции и как молодежь осознала, что подлые, антинародные силы используют ее для достижения своих целей. Эту тему разрабатывают драмы Иштвана Фейера «Люди Будапешта» (его пьеса «Люди Будапешта» пользуется особенно большим успехом), рассказы Белы Илеша и других писателей. Очень популярна среди наших читателей роман молодого писателя Андруса Беркеша «Октябрьская буря», который можно назвать памятником героям октябрьских дней, отдавшим свою жизнь делу рабочего класса. Названные мной произведения, конечно, еще во многом несовершенны: в некоторых из них слишком много внимания уделяется отдельным эпизодам в ущерб главному действию, в других налицо недостатки композиции, в третьих, наконец, публицистические комментарии иногда подменяют художественное изображение. Нельзя, однако, забывать, что они писались в то время, когда еще не был закончен подробный анализ контрреволюционных событий. Сама литература становится инструментом этого анализа.

Мы достигли этих результатов не одни — большинству из нас помог пример литераторов Советского Союза. Трудно представить человеку, не бывшему очевидцем, какое впечатление произвело первое представление в Будапеште в 1957 году «Оптимистической трагедии». Кажется, что Вишневицкий написал свою пьесу, побывав в октябре 1956 года в Будапеште.

В свое время ревизионистские выступления нападками на социалистический пафос как истощаемое сырьевое литературы социалистического реализма. Лозунгом ревизионистов было «очарование обычных вещей», а их целью, как они говорили, — создание поэзии, отражающей лишь мелкие, будничные, повседневные факты. Мы не утверждаем, что таким темам нашей повседневности нет места в социалистической прозе и поэзии. Но стремление противопоставить мир личной жизни великим фактам социалистического строительства означает, по сути дела, требование вернуться спиной к народу, строящему социализм.

Вместе с тем враги социалистического пафоса в литературе не возражали против появления в контрреволюционной «поэзии» живого контрреволюционного пафоса. Следовательно, дискуссия носила отнюдь не эстетический характер. Социалистический пафос — наша насущная потребность. Разве можно говорить без пафоса о вновь завоеванной свободе, о помощи нашему народу, которая всколыхнула все страны света, о лавинах радости, советских и венгерских, о чувствах радости, грусти и благодарности? Однако окончательным ударом по противникам социалистического пафоса — это я и хотел подчеркнуть — явилось появление на небе первого спутника Земли. Спутник — не только чудо советской науки и техники, но и музыка, которая вдохновила наших поэтов, снова научила их мыслить гигантскими масштабами наших шагов в будущее...

Социалистические тенденции, с каждым днем все более укрепляющиеся в венгерской литературе, далеко не охватывают ее целиком. Развитие наше происходит в борьбе со всевозможными мелкобуржуазными, оппортунистическими и денкадскими течениями, которые еще достаточно сильны, чтобы оказывать свое пагубное влияние и доставлять немало забот. Нельзя ведь забывать того, что целый ряд венгерских писателей временно оказался во вражеском лагере. Что же случилось с ними? Некоторые из них удрали на Запад и там окончательно опустились на дно: для нас эти предатели — просто борзописцы и лакеи.

БЕРЛИН, декабрь

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

прикармливаемые врагами нашей родины и поджигателями войны.

Ну, а остальные? Народная власть наказала лишь тех из них, кто запятнал себя преступными действиями антисоциалистического характера, всем же остальным дана возможность исправить свои заблуждения и ошибки честным писательским трудом. Я сформулировал бы эту точку зрения приблизительно так: «Мы не заставляем никого делать публичные заявления о том, что было, так как такие заявления, если они не подпадают под совесть самого человека, не имеют никакой цены. Художественное творчество имеет большее значение и выражает гораздо больше, чем любое заявление. Каждому талантливому художнику слова, уважающему строй и конституцию народной демократии, мы даем возможность свободно творить в рамках народной демократии в любой художественной манере. Но мы, естественно, стоим на почве социалистического реализма и поддерживаем его и от наших критиков ждем, чтобы они давали оценку литературных произведений с позиций марксистско-ленинизма, с точки зрения коммунистической партийности и эстетики социалистического реализма». В первый момент некоторые наши товарищи сочли эту точку зрения слишком терпимой. Проклятия, однако, показала, что такая терпимость не имеет ничего общего с оппортунистической «всеядностью».

Нашлись, конечно, и такие литераторы, которые в новой ситуации попытались продвигать с того места, где в свое время остановились. Но резкая критика сразу же отрезвила их. Народная демократия не дает никакой свободы действия тем, кто пытается внести ревизионистскую путаницу во взгляды. Так, получили отповедь авторы кинофильма «Жар», пытавшиеся проткнуть в фильме националистские идеи. Ярд авторцов воспринял это в смысле, что у них нет необходимости вообще занимать какую-либо общественную позицию. Именно поэтому некоторые наши поэты, еще совсем недавно писавшие мятельные стихи против народной власти, стали вдруг публиковать любовные сонеты; а драматурги, с перьев которых в 1956 году стекала яд, стали выступать с легкими светскими комедиями. Однако результаты их усилий оказались плачевными — общественность встретила их произведения холодным молчанием.

Пессимистические сетования, денкадская мировая скорбь, безнадельность, которые еще пропитаны произведениями некоторых писателей, имеют лишь в узких кругах мелкобуржуазной интеллигенции, рабочих и крестьянские массы, творческая, прогрессивная интеллигенция не берут этих книг в руки. А если к тому же и критика находит правильный тон, анализирует произведения таких писателей с вдумчивой партийной объективностью, то становится еще более ясным, что, следуя этим путем, можно прийти только к полному провалу.

Что касается критики, то надо сказать, что и здесь не обходится без ошибок. Наша партия очень помогла венгерским критикам, заняв твердую позицию по вопросу о писателях-«народниках». Очень важным для нас документом является партийное изложение руководящих принципов культурной политики. Эти документы, получившие надлежащее освещение в «Литературной газете», оказали благотворное влияние на всю нашу литературу.

Я не сумел, конечно, в небольшой статье затронуть все важное. Я ничего не сказал о молодых писателях. За пределами статьи оказались и произведения, о наших буднях, и борьба против ревизионистских взглядов Г. Лукача, и многие другие вопросы. Но о них — в следующий раз.

БУДАПЕШТ

Смерть Лиона Фейхтвангера

Как сообщает корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс из Лос-Анджелеса, в возрасте 74 лет скончался известный писатель Лион Фейхтвангер. Писатель умер в больнице, куда его доставили 21 декабря в связи с желудочным кровоотечением.

Союз немецких писателей Берлин, ГДР

Глубоко скорбим по поводу кончины выдающегося немецкого писателя-антифашиста Лиона Фейхтвангера, внесшего большой и непреходящий вклад в мировую литературу. Примите наше искреннее соболезнование.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР: Ажаев, Бажан, Воронков, Леонов, Марков, Полевой, Симонов, Василий Смирнов, Сергей Смирнов, Сурков, Тихонов, Федян.

Госпоже Фейхтвангер Калифорния, США

Глубоко опечалены вестью о кончине Лиона Фейхтвангера. Это большая утрата для литературы мира. Примите, дорогой друг, наше сердечное соболезнование в постигшем Вас горе.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР: Ажаев, Бажан, Воронков, Леонов, Марков, Полевой, Симонов, Василий Смирнов, Сергей Смирнов, Сурков, Тихонов, Федян.

Госпоже Фейхтвангер Пасифик Палсайдс, Калифорния, США

Посылая Вам дорогой друг, соболезнование по поводу смерти Вашего супруга, пишу утешение в том, что люди, подобные Фейхтвангеру, остаются вечно жить в своих книгах.

Борис ПОЛЕВОЙ 22.XII.1958 г.

БЕЗАТОМНАЯ ЗОНА — ШАГ К МИРУ В ЕВРОПЕ

НЕДАВНО западногерманское телевидение организовало специальную передачу о водородной бомбе. Говоря о ее уничтожающей силе, диктор пояснил, что одна такая бомба способна превратить, например, Баварию в мертвую зону. Слова диктора были лишь иллюстрацией к тому, что сказал еще в начале нынешнего года французский генерал Пьер Галуа: «Ни один пункт Федеративной Республики не сможет избежать разрушений в том случае, если на его ракетные и атомные опорные пункты обрушится ответный удар».

Кажется, ясно. Все не нужно быть ни крупным политиком, ни военным специалистом, чтобы понять: при географической ограниченности пространства ФРГ, большой плотности ее населения и значительной концентрации промышленности игра с атомным оружием равновесия сама собой.

Надо думать, что не один немец, слушая разъяснения диктора западногерманского телевидения, вспоминал предложение правительства Польской Народной Республики о создании в Центральной Европе безатомной зоны. Надо думать также, что сегодня честный немец, будь то на западе или на востоке страны, с благодарностью оценит жест Советского правительства. В заявлении СССР, сделанном в связи с сессией Совета НАТО, вновь поддерживается предложение Польши.

Правительство ГДР, как известно, немедленно отказалось на предложение Польши, заявив о своем согласии на создание безатомной зоны. Народная палата ГДР обратилась в западногерманскому парламенту с предложениями, которые отвечали жизненным интересам немецкого народа и создавали бы хорошую почву для переговоров между обоими германскими государствами, ибо, как сказал Вальтер Ульбрихт, «до тех пор, пока из Западной Германии не ликвидируются атомные пушки... отсутствует климат, необходимый для сближения и взаимопонимания».

Правительство Аденауэра, единственное правительство из числа стран, которые должны войти в безатомную зону, отклонило предложение Польши. Может быть, это объясняется тем, что ГДР выставляет невыполнимые условия? Нет, конечно, нет. В противоположность бонскому правительству, деятели которого от Аденауэра до Штрауса весьма часто говорят об «освобождении восточной зоны», правительство ГДР придержи-

вается того мнения, что воссоединение без взаимопонимания, насильственное «присоединение» одного германского государства к другому, привело бы к войне.

С момента создания Народной палаты и правительства ГДР и до конца 1957 года было сделано около 100 предложений о мирном воссоединении. Они всегда исходили из конкретной исторической обстановки, учитывали интересы подавляющего большинства немецкого народа. Одно из них — это предложение об образовании конфедерации ГДР и Федеративной Республики на основе справедливого договора.

Недавно немецкая общественность узнала из уст Вальтера Ульбрихта, что идея создания такого объединенного государства обсуждалась еще 20 октября 1956 года с представителем правительства ФРГ. Правда, Аденауэр высокомерно заявил, что ни один министр его правительства не участвовал в подобных переговорах с кем-либо из представителей ГДР. Но вот 14 ноября 1958 года бывший заместитель министра обороны ГДР Винценц Моллер в своем интервью подтвердил, что боннский министр Шеффер в беседе с ним развивал мысль о создании конфедерации.

Аденауэр знал об этих переговорах! Вскоре стало известно, что и министр правительства ФРГ Леммер обсуждал в 1954 году эти вопросы с ныне покойным Отто Нухке, бывшим заместителем председателя Совета министров ГДР. В этой связи упоминается еще имя боннского министра Любе. Таким образом, три министра боннского правительства обсуждали с представителями ГДР вопросы о постепенном воссоединении, хотя сам Аденауэр и послушная ему пресса объявляют предателем каждого, кто желает переговоров с деятелями ГДР.

Престарелый канцлер и его ближайшие помощники в прошлом не раз прибегали к подобным маневрам. В свое время Аденауэр заверял, что он против атомного вооружения бундсвера, а на самом деле уже тогда был подговорен к тому, чтобы атомную бомбу вложить в руки германских милитаристов. Аденауэру, как видно, приходится лицемерить в вопросе о воссоединении Германии. В действительности же канцлер и его сподвижники боятся воссоединения Германии, так как создание единой миро-

вой демократической Германии означало бы крах их планов превращения Западной Германии в главную ударную силу агрессивного военного блока НАТО, краха планов агрессии и реванша.

Несколько дней тому назад стало известно и имя представителя ГДР, который продолжил в Вонне переговоры с федеральным министром Шеффером о взаимном сближении обоих германских государств. Профессор д-р Роле — депутат Народной палаты Германской Демократической Республики — обсуждал 13 марта 1957 года с министром Шеффером следующие пункты, как он пояснил в своем интервью:

1. Возможность торжественной декларации обоих германских государств о проведении воссоединения Германии мирным путем, то есть без применения силы.

2. Создание европейской системы безопасности, связанной с зоной ограниченного вооружения, выход Западной Германии из НАТО и ГДР из Варшавского договора и отмена в Западной Германии воинской повинности.

3. Создание конфедерации обоих германских государств как первый необходимый шаг на пути демократического воссоединения.

Вот эти все интрижки и закулисные махинации на Западе, правительство ГДР не собирается прекратить свои усилия, направленные на мирное воссоединение. Новая редакция плана Рапацкого, которая во многом учитывает соображения, высказываемые в странах Запада, может послужить хорошей основой для переговоров.

Правительство ГДР находится на верном пути. Об этом свидетельствует большая сила воздействия ее мирной политики на Западную Германию. Все больше разделяет голос, требующий переговоров с правительством ГДР, отключающих атомное вооружение Западной Германии и приветствующих переговоры между двумя германскими государствами. Мы не сомневаемся, что придет день, когда эти переговоры станут неизбежными. Ныне же путем устранения оккупационного режима в Западной Берлине может быть открыта новая фаза в развитии Германии. Это верная дорога к взаимопониманию обоих германских государств, к мирному договору с Германией и, тем самым, к обеспечению мира в Европе. Время работает на нас, на дело мира.

БЕРЛИН, декабрь

Искусство анализа

ОБЫЧНЫЕ упреки: а где же самобытность таланта, где неповторимое художественное своеобразие писателя? Да, еще появляются у нас критические работы, лишённые творческой индивидуальности, огня, страсти. Эстетическая глухота, неумение различать краски прикрываются в них густой пылью, подбитой гарцующими звонкими формулами. Ткется замысловатая сеть из общих фраз, и через эту сеть утекает все живое, неповторимое. За вереницей терминов, плохо выстроенных в ряд, как то: «типические характеры», «типические обстоятельства», «яркий, стилистический язык», «композиционная стройность», «сюжетная завершенность» и т. д., — невозможно, бывает, обнаружить присутствие точной мысли, а то и мысли вообще.

Жанр критического портрета — трудный, но нужный жанр. Отрадно, что многие литературоведы и критики национальных республик берутся за него. Их появление — знак роста мастерства нашей критики. Однако остается в силе пожелание: больше зрелищности, больше эстетической пронзительности!

Заметно окрепли и кадры казахских критиков. Капитальный труд «Очерк истории казахской советской литературы», появившийся на русском языке незадолго перед декадой, — весомое свидетельство их зрелости. Казахские критики испытали свои силы и в жанре монографических портретов. Это исследование Е. Исманолова «Акыны», критико-биографические очерки Т. Нуртазина «Сабит Муканов», А. Нуркутова «Мухтар Ауэзов», С. Кирабаева «Габиден Мустафин», Т. Ахтанова «Габит Мусрепов». Появились книги смешанного характера, содержащие и портреты писателей, и историко-литературные обозрения, и географические размышления. Такова книга Мухамеджана Каратаева о казахской литературе — «Рожденная Октябрьем», оригинальная небольшая книжка, написанная им же в соавторстве с А. Враниным. «Душещипательные» по своему содержанию статьи Т. Адилкулова. Обговорили сразу: все эти книги не равнозначны. Но при всем различии

несомненно одно: общий уровень казахской литературной критики заметно вырос. Казахские критики все решительнее берутся за исследование сложных проблем художественного творчества, смелее проникают в тайники словесного искусства.

Книга Е. Исманолова «Акыны» построена как солидный научный труд, превосходно оснащена фактами. Е. Исманолов идет не от умозрительных схем, а от живого опыта, кропотливо, с большим тщанием изучая типы акынов, особенности их поэзии, вопросы этической и лирико-эпической традиции. Очень ценны наблюдения Е. Исманолова над характером айтыса (поэтическое состязание певцов), весьма популярного в Казахстане. Интересны страницы книги, посвященные старейшим акынам — Джамбулу, акынам Нурпенсу Байганину и Исе Байжакову. Е. Исманолов исследует общественные и национальные истоки поэзии Джамбула, подробно анализирует своеобразное внутреннее его песенного творчества, образующее его образное цельное этическое повествование. Если и правомерно упрекать Е. Исманолова, то в одном: он в некоторых случаях (например, в подглавке «Поэтическое мастерство Джамбула») слишком уж дробит анализ, с ненужной скрупулезностью рассматривает отдельные элементы мастерства.

В книге Мухамеджана Каратаева «Рожденная Октябрьем» собраны статьи разных лет — с 1937 по 1958 год. Если Е. Исманолов спокоен и ровен в своих суждениях, то в работах М. Каратаева бьет другая струя — публицистическая. Он пишет темпераментно, то и дело обоняя шаг за шагом с инуюмысливающей спорит с воздушным, с горячей убежденностью отстаивая свои взгляды. Снаем открыто-восторженно сборник М. Каратаева несколько пестроват, неясен принцип его композиционного построения. И все же, прочитав книгу, вы испытываете чувство благодарности к критику за его последовательность в защите марксистско-ленинской литературной критики, за его хороший художественный вкус и чуткость. М. Каратаев борется с упреками и вульгаризаторами, высмеи-

вает схоластические мудрствования, которым была отмечена в предвоенные годы некоторая часть казахской литературной критики. Вульгаризаторы и схоласты особенно рьяно обрушились на наследие Абая. Вместо изучения особенностей эпохи Абая, факторов, повлиявших на формирование его мировоззрения, вместо вдумчивого анализа его творчества они выясняли, чей пеньек Абая — феодализма или национального торгового капитализма. Заранее предсказав социальные симпатии Абая, они старались затем подогнать под эту схему большое и сложное творчество писателя.

Прав М. Каратаев и в защите пьесы С. Сейфуллина «Красные соколы». Некоторые критики нападали на С. Сейфуллина за то, что тот не нарисовал целостной картины истории революционного движения в Казахстане. Они исходили из предвзятой схемы, оставляя в стороне жизненное содержание пьесы, те цели, которые ставил перед собой писатель. «Красные соколы», как правильно замечает М. Каратаев, не учебник по истории Великой Октябрьской революции в Казахстане, а литературное произведение. И поэтому запечатленные в нем события жизни нужно рассматривать не с точки зрения полноты исторических сведений, а с художественной стороны, насколько образно и правдиво они воспроизведены.

К сожалению, некоторые статьи сборника М. Каратаева, посвященные крупнейшим представителям казахской литературы — Абаю, Джамбулу, а также обзор казахской советской поэзии за сорок лет излишне суммарны. Они содержат немало познавательного материала, беспорядочны по своим выводам, но в них нет той предметной конкретности, того внимания к индивидуальному творческому облику писателя, за которые так отчетливо, с такой принципиальной решимостью выступает сам М. Каратаев.

Раздвигая богатая книга Т. Нуртазина «Сабит Муканов». Она объемиста, монографична. А. Нуркутова и С. Кирабаева, отличается от них и построением. Т. Нуртазин вводит в книгу большие главы — «Историко-литературная обстановка в Казахстане в 20-е годы» и «Период становления 20-е годы». Т. Нуртазин не упрекает в бесплотности суждений, он превосходно знает творчество С. Муканова, большинство критических оценок хорошо аргументировано. Автор очерка уве-

ренно, и почти всегда убеждает, говорит о поэтике Муканова, формальных особенностях его стиля. Очень ценное качество! Эту книгу как раз не упрекнуть в том, что она не исследует самобытности таланта, своеобразия писателя. Но есть полония и спорные. За недостатком места ограничимся одним замечанием. Нам представляется не совсем плодотворным пристрастие критики к чрезмерно подробному пересказу содержания художественных произведений. Особенно уязвимо это пристрастие, когда речь заходит о поэзии. Сложные, многогранные образы-картинки переводятся на язык скучных силлозинов вроде: «Герой (стихотворения С. Муканова «Воздушный корабль» — Г. Г.) на самолете поднимается ввысь, он мог совсем избавиться от земной суеты, но это его не устраивает: ведь трудящиеся капиталистических стран еще не добились свободы». При этом ткань произведения безжалостно рвется, исчезает специфика поэтического слова.

Трудная задача стояла перед молодым критиком А. Нуркутовым. В небольшой по объему монографии он пытался воссоздать путь одного из выдающихся советских писателей М. Ауэзова, имеющего за плечами несколько десятков лет напряженного литературного труда. Это в определенной степени обусловило бедность, мимоходность характеристик многих произведений писателя, особенно раннего периода. Лучше исследовано А. Нуркутовым основное творение М. Ауэзова — эпопея об Абае. Здесь немало точных и метких наблюдений над поэтикой произведения, над особенностями стиля, характеров, сюжетного построения. А. Нуркутов проявляет способность к широкому историко-литературному сопоставлению. Он соотносит эпопею М. Ауэзова не только к казахскому литературному процессу, но и ко всей советской литературе, изучая закономерности развития советского исторического романа вообще.

Критик говорит о слиянии в произведении М. Ауэзова большой и сложной исторической правды с сердечным, необыкновенно эмоциональным восприятием жизненных явлений. Интонация, взятая в начале романа — лирическая, задумчивая, мягкая, поэтически возвышенная, — не пропадает на протяжении всего произведения. Автор как бы сливается с героем своего произведения, с его мироощущением, с его манерой смотреть на вещи. Эти и другие

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделе: литератур народов).

Москва, Литгазета. Телефон: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 8-59-17, информация — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммулятор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.